

ПРОХАНОВ

СРАЖЕНИЕ МИФОВ

Михаил
кильдяшов

ЕСТЬ ВЫСШИЙ СУДИЯ...

О романе Александра ПРОХАНОВА «Идущие в ночи»
(«Роман-газета», 2001; «ИТРК», 2002; «Вагриус», 2008;
«Эксмо», 2012; «Амфора», 2002, 2013;
«Книжный клуб Книготек», 2010)

ВРЕМЯ — ТРОПА. Узкий путь, проложенный след в след среди капканов и подрывных точек. Один неверный шаг — и жизнь сдетонирует, смешая на тропе времени былое и грядущее. Один неверный шаг — и волчьи зубы ловушки сомкнутся на живой плоти, чтобы в последнем движении время замерло навсегда. Чувствуя опасность, оно, как дикий зверь, ищет запасную тропу, иное русло, куда может излиться жизнь, обогнув смерть. Время уводит идущих с твёрдой почвы, по размытому берегу ведёт к тёмной ледяной воде. Шаг в эту сковывающую холодом и ужасом воду подобен шагу в бездну, где тоже притаилась смерть. Время мечется в поисках исхода. Над землёй и водой сгущается тьма, и лишь на чёрном полотне неба возникают светящиеся точки, что таинственными созвездиями вычерчивают маршрут. Этот небесный путь влечёт всех идущих в ночи.

"Идущие в ночи" — роман Проханова о Второй чеченской войне, составляющий с романом "Чеченский блюз" своеобразную дилогию. В этих романах нет общих героев, действие разворачивается в разных политических обстоятельствах, но обе книги объединяются логикой истории, метафизикой войны, единым пространством жизни и смерти. Если в первом романе Россия утрачивает Грозный, который, выпав из мирной повседневности, становится "рассадником боли и страданий, то во втором — постепенно отбывает его у кровавых захватчиков. В разрушенном городе не остаётся места для покоя и тишины. Это аномальная зона, где распространилась "радиация войны". Здесь всё пребывает в состоянии вражды: от одичавших собак до горящих домов, которые кидают друг в друга раскалённые головы. Грозный становится воронкой, куда затягивается всё зло мира.

Молодые генералы Второй чеченской уповают на то, что в этот раз у них не отнимут победу, дадут им добыть врага, не оскорбят их "пораженческим миром", подписанным в самых высоких кабинетах страны. Генералы склоняются над картой Грозного и прозревают в ней освобождённый город, а сквозь него — Георгиевский зал Кремля, куда как победитель, усмиритель мятежников входит новый Верховный главнокомандующий.

Обескровленные отряды Басаева, которые всё активнее вытесняются из Грозного, могут либо решиться на последний бой, либо, сохраняя остатки сил, пойти на прорыв линии русских полков, чтобы в горах объединиться с Хаттабом и террористическими вылазками продолжить изнурительную для России войну.

Русские генералы разрабатывают спецоперацию "Волчья яма", согласно которой Басаева необ-

ходимо заманить в "ложную брешь" в кольце федеральных войск. Тропа, по которой станут отходить чеченцы, будет заминирована. Спецоперация кажется предельно выверенной, но война, способная всё изменить одним выстрелом, всегда вносит свои коррективы, переписывает сценарии самых опытных полководцев. Эту непредсказуемость ощущают все: от рядового солдата до штабного генерала.

Война повелевает миром, перерождает его. Она не знает оттенков и полутонов, у неё есть только цвета "кроваво-красный" и "смертельно-чёрный". Войне ведомо "решающее Слово для различения Добра и Зла", Истины и Лжи, Подвига и Предательства. Всё это ложится на весы бытия, и только Война решает, что перевесит — Жизнь или Смерть. Такая раздвоенность мира выстраивает в романе особую систему персонажей, где складываются пары либо единомышленников, либо противников. В эпизтере боевых действий оказываются отец и сын Пушковых, Лейтенант Пушков, командир десантного штурмового отряда, дом за домом отбивает в Грозном пространство у чеченцев, чтобы те были вынуждены уйти из города. Полковник Пушков — начальный разведки, непосредственно отвечающий за то, чтобы Басаев не обошёл пригласенную для него "Волчью яму".

Полковник, храня честь русского офицера, не прячет сына по тылам, а отправляет его на пере-

ада. Пытается отыскать истину в ядре ужаса, про-

близив свой народ в насилие и смерть. Об ином мессианстве говорит чеченский художник Зия. О жертве ради ближнего, о преумножении в мире добра и света, о сохранении спасительных смыслов, унаследованных от праотцов: "Мы должны были идти путями духа. Взрачивать в своей среде художников, философов и артистов. Наши великие предки умели угадывать будущее, передавать мысли и чувства на расстоянии, владели тайной тяготения и вечной жизни".

Но чеченцы сбились с истинного пути из-за выродков, которые пришли в мир со своей корыстью, подменили истину ложью, назвали мрак светом, превратили дивный город в моровую язву. Город, где теперь зияет кратер смерти, и, если его не закупорить, война никогда не прекратится: "Я собираю в себе силы света, призываю на помощь всех великих людей, живших до меня на Земле. Гомера, Аристотеля, Авиценну, Веласкеса, Диего Риверу, Льва Толстого, Юрия Гагарина. Они отдадут мне свои великие мысли, присылают мне на помощь свои светлые души. С их помощью я оставлю войну".

Художник остаётся в Грозном, залечивает его раны образами, которые остались на полотнах в разрушенном музее, на стене разбомбленного дома. На одной картине кровавая битва на земле

Литкин снимает казнь русского солдата Звонарёва в плену, куда тот попал вместе с сослуживцем после штурма очередного дома в Грозном. Клык и Звонарь подобны Рыбаку и Сотникову из повести Василия Быкова. Могучий сержант Клыкков со своей "звериной правотой" готов истребить чеченцев "до последнего младенца", готов с врагом "око за око", без примирения и пощады. Звонарёв же призывает к милосердию, говорит, что Благодарить сильнее Закона, и то, что скреплено любовью, гораздо прочнее того, что "спаяно железом лишь и кровью". Война с чеченцами для Звонаря — трагическое противостояние соотечественников, пелена на их очах; но после того, как "чёрный волк войны" будет уничтожен, все непременно прозреют.

Звонарь благовествует: поёт сослуживцам песню, где среди складов звуковых слов сокрыто неизреченное Слово. Чудесная песня на мгновение превращает воюющий батальон в монастырскую братию, которой сквозь все ужасы боёв открывается иная жизнь, где золотой епитрахилью на поседевшие головы солдат опускается Божья длань.

В плену "животная правота" Клыка обворачивается животным страхом и предательством. Физическая сила не находит духовных сил для подкрепления, и в финале романа в "Челне томления" Клык полыхнёт по Реке мёртвых, реке забвения.

А Звонарь из последних сил берётся в душе зерно веры. С этого зерна во время допросов и пыток пытаются содрать "оболочки", оскоряя Родину, боевых товарищей, веру. Но неотмирными очами русский воин прозревает икону, которая оказывается вратами Царствия Небесного. А после будет икона, написанная уже земным иконописцем. А после — будет акафист, где прозвучит до времени сокрытое Слово... Слово о том, что Россия

18 февраля 2016 года. Александр ПРОХАНОВ и Рамзан КАДЫРОВ (в центре) с членами Изборского клуба в музее Ахмат-хаджи КАДЫРОВА

превращается в райский пир на небе, куда в братских объятьях слетаются души, освободившиеся от бранных тел, только что умертвивших друг друга в слепой ярости войны. На другой картине люди в белых одеждах, невесомые, идут по воде, и эта бесконечная вереница душ — свидетельство жизни вечной. Через такие образы убитый город возродится, распулится как древесная почка, почувствовавшая первое тепло.

Творцу-созидателю Зии противопоставлен творец-разрушитель Литкин — оператор и режиссёр, по заказу зарубежного телевидения снимающий патетический фильм о Басаеве. Литкин — слуга духа смерти. Он делает режиссёра бесстрашным и неуязвимым, когда тот оказывается с камерой в эпицентре войны. Литкин запечатлевает Грозный как "Гернику", как дантовские "Ад" и "Чистилище". Дух смерти питает режиссёра, но и он распространяет дух смерти. Поймав его в объектив, продлевает ему жизнь, собирает кадры пыток и гибели как "смертоносные зёрна", чтобы потом посеять их по всему свету.

воскресла, что подвиг воина-мученика даровал ей новую жизнь.

Эту воскресшую Россию, как драгоценный дар, из рук святого принимает Избранник. Он, Верховный главнокомандующий русских полков, победивших в Чечне, переигрывает чёрных демонов, угнездившихся в России, превращает магические алмазы в их перстнях, с помощью которых они управляли историей, в безжизненный уголь. Разрывает их "паруса", наполненные "мусорным ветром", дующим из-за океана. Как раб на галерах, сам сядит на "вёсла", выводит Россию на спасительный путь.

Все: террористы и олигархи, русские солдаты и офицеры, отцы и сыновья, праведники и предатели, "истуканы" и избранники — сойдутся на узкой тропе, где каждому будет уготована своя доля. "Кому память, кому слава, кому тёмная вода": кого-то земля отвергнет "кровавым взрывом", кого-то "воды многие" утянут на непроглядное дно. А кому-то воссияет звезда, что разветвет мрак и укажет идущему в ночи — где смыкаются путь земной и путь небесный.

СНАЙПЕР

Несколько слов
об Анне РЕВЯКИНОЙ
и поэзии
Русского мира

ЖИЗНЬ БОГАЧЕ — и намного богаче! — наших представлений о ней. Если посмотреть, например, на эту вот фотографию Анны Ревякиной, она же — "поэтическое животное" (если что, цвет помады — синий), то, наверное, трудно будет поверить, что перед нами — не "гламурная киса", а 35-летний кандидат экономических наук, доцент кафедры международной экономики Донецкого национального университета, лауреат ряда литературных премий, "диктатор" тотального диктанта по русскому языку 2018 года, et cetera, et cetera. Но самое главное — человек, пишущий такие вот стихи — практически с поля боя:

А потом приходила война,
забирала в строй
самых смелых и самых
правильных из людей.
Он забыл своё имя,
но запомнил свой поэтический,
он видел скелеты обвалившихся церквей.
Он стал снова чёрен лицом,
но душою бел,

научился молиться,
словно в последний раз,
он свои ледяные руки дыханьем зрел
и всё ждал, когда отдадут приказ.

Вообще, восстание Донбасса против бандеровского "евромайдана" стало не только политическим, но и культурным, прежде всего — литературным, а в сердцевине своей — поэтическим, событием, мощным выплеском творческой энергии людей разного возраста и разных судеб, неожиданно для себя попавших — телесно и/или душевно — в зону боевых действий новейших "европализмов" против Русского мира, где всё иное: пространство, время, жизнь и смерть... Стихи об этой войне — целая Вселенная, их авторы: от признанных профессионалов — таких, как Владимир Костров, Юнна Мориц, Новелла Матвеева, до бойцов и полковых командиров сопротивления Мозгового, Моторолы, десятков и сотен других. Поэт Юрий Юрченко, который из Парижа отправился добровольцем-ополченцем в Донбасс, свидетельствовал: "Я хотел сначала взять поэзией "Позт", но мне сказали: "У нас уже есть три поэта, четвертого мы не потянем"... Этот феномен ещё не понят, не осмыслен, даже не представлен во всей своей полноте, но он, несомненно, существует — так же, как "золотой" и "серебряный" века русской поэзии.

Владимир ВИННИКОВ

Червоточьями да кровоточьями
зарабывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дорожке, что лентой стелется,
что изрублена, видит Бог,
русскоязы аяа девица,
в волосах голубой цветок.
Её руки — не толщце веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из поэтических девочек,
из наизусть святых сирот.
Её платье — бедность мрачная,
её крестик — металл да нить.

Анна
РЕВЯКИНА

«ЧТО НАС ЖДЁТ ВПЕРЕДИ? ПОБЕДА!...»

Из поэмы «Шахтёрская дочь»

Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дорожке, где грязь окраины,
там, где войны нечехи,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка — достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях кресты да линии,
на глазах пелена дождя,
эту девочку звать Марию.
И она на две трети я.

Кто-то скажет:
"Он был неплохим отцом..."
Сочинял ежедневно заетрак
и в ванной пел,
он ходил по субботам гулять
со своим птенцом.
Говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста,
даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом —
шахтёрская дочь,
хотя в их роду остальные —
все сплошь врачи.

Это было счастье — детское, на разрыв,
настоящее счастье, которому края нет.
Он всегда был первым и никогда вторым.
Они ели яблоки — золотой ранет,
они пили какао, ходили в театр и зоопарк,
он показывал ей созвездие Близнецов.
Он любил мешить её —
внезапно и просто так,
а однажды из провапки подарил кольцо.

Это был страшный август четырнадцатого года,
два народа шли в любовь.
Николай с лицом чёрным, как добываемая им порода,
прикрывал собою горящую передовую.
На его руках умирали и воскресали,
на его глазах открывались воды в преисподнюю.
Город детства его, город угля и стали,
превращали в пустошь, в пустыню неплодородную.
Сеяли смерть, как рань-

ше сеяли хлеб, сеяли ужас, боль и жуткое
зуб за зуб", а зелёные пацаны, утверждавшие,
что смерти нет, рыдали от страха,
увидев свой первый труп. А увидев второго,
начинали, кажется, привывать, говорили:
"Война — не место для бабьих слёз!"
И у каждого в городе оставалась мать, в городе
миллиона прекрасных роз...

Что нас ждёт впереди? Победа.
Ясный сокол мой Николай,
мы вкусом и вина, и хлеба,
на двоих мы разделим рай.
А пока ты лежишь в окопе,

пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи, рвётся небо,
на дыбы горизонт встаёт.
Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход.

Принесли его на щите,
и Мария губами к щеке
припадала, и плакала мать:
"Положите его на кровати!"
Он был хладен, безмолвен и сер,
и был день — беспросветный четверг.
Ну, а дальше — на пятницу ночь,
и Мария, шахтёрская дочь,
знававшиеся мимо зеркала
проходила в траурный зал
и гладила на лоб мертвеца,
на холодные зубы отца,
на его восточный лик,
на немой неподвижный кадык,
на пурпурный распахнутый гроб,
словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел,
где живой он вчера помертвел,
где последнее небо его
выбедало из глаз воронье.

С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле — рожь, а за рошей — ложь,
а за ложью ружья назлоотовку.
Это поле — жажчина старых биты.
Что посвет ветер степей разъятых?
Террикун лежит, словно мёртвый кит,
облака плывут, облака из ваты.
Золочёный дуликий степной зекат,
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всём случившемся виноват?
Кто спасёт распахнутую землю эту?

Поле Дикое, цель опознана,
от винтовки саднит плечо.
Помолитесь, религиозные,
будет страшно и горячо.
Снайпер знает, что надо с первого,
долго целится, не спеша.

В степь Мария вростает нервами,
в них одна на двоих душа.
Точным выстрелом — пулей глупою.
Смерть Марии теперь как мать.
Поле выстлано будет трупами,
ночью станут их собирать.
У Марии в блокноте крестик —
безымянные пацаны.
И они почти все — ровесники
развязавшей войну страны.

Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,

кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в дёда.
Пусть вырастет сильным,
балаговым сердцем.
Родить бы дочку,
тонкую, как берёзка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косонку,
плечики узкие,
пачочки абрикосовые.

Никого не родишь. Только чёрный камыш
да слепая луна над рекой, не пройдёшь
человек, даже серая мышь здесь боится
бежать по прямой. Степь — лоскутный
пейзаж и горячий рубец, пораненный двух
разных миров. Я люблю этот краж, его
дикий мятеж в кружевах кучевых
облаков. И винтовка в руках, и ни шагу назад,
здесь забытая Богом земля. И бесплодные
поля, где под небом лежат нерожденные
сыновья.

А с неба не снег, а серые лепестки пеллы.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
врастая хребтом в донецкие чернозёмы.
Она захлебнулась озёном,

прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к аустой зелёнке,
держала винтовку крепко,

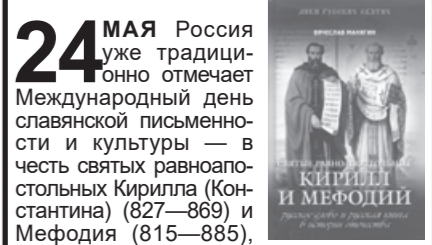
так держат сына,
младенца, завернутого в пелёнку.
Ей было почти не больно,

её прикрывали громкие пулемёты,
на палец левее в одном километре башня,
а справа стоят огневдышащие расчёты.
— Ребята, прикройте,
я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь её растекалась, как сок ераната.
Мария, моя Мария, шахтёрская дочка.

2016-2018

АПОСТРОФ

Вячеслав МАНЯГИН. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Русское слово и русская книга в истории Отечества. ("Лики русских святых"). — М.: Книжный мир, 2018. — 320 с.

24 МАЯ Россия уже традиционно отмечает Международный день славянской письменности и культуры — в честь святых равноапостольных Кирилла (Константина) (827—889) и Мефодия (815—885).

"учителей словенских", которым церковное предание приписывает честь создания сразу двух алфавитов/азбук, ныне известных как "глаголица" и "кириллица". Общая канва их жизни и деятельности сравнительно хорошо прослеживается по целому ряду открытых источников, но многие важнейшие моменты остаются невыясненными и практически не поддающимися критической реконструкции.

"Автор не столь самоуверен, чтобы считать, будто сможет дать ответ на все... вопросы после того, как ответить на них пытались лучшие умы русской и зарубежной исторической науки. Но предложить читателю этой книги ознакомиться с некоторыми своими соображениями по данной проблеме он считает вполне доступным", — осознаёт и даже подчёркивает субъективность своей работы Вячеслав Манягин.

Основной пафос его книги, посвящённой Солунским братьям, заключается в манифестации той "русской веры", которая отличается и от "римского" католицизма, и от "греческого" православия, а также сыграла решающую роль в становлении русской цивилизации, однако была отнесена в глубины русской жизни "позорным", по мнению автора, Собором 1666 года. А Кирилл и Мефодий в его интерпретации, "хотя и посланы были к славянскому императору Михаилом III, но действовали вовсе не в интересах этой "живой иконы Христа на земле" и его правительства, а в интересах славянства, не страшась не только забвения на Родине, но и обвинений в еретичестве, церковного суда, заключения в тюрьме и смерти... Подвиг Солунских братьев был подвигом славянских подвижников, а не византийских миссионеров".

Что и говорить — точка зрения весьма специфическая, а по нынешним временам даже и "маргинальная", причём подбор аргументов "за" неё, при всей обширности и убедительности, вряд ли способен перевесить подбор аргументов "против", как правило, оставляемых Вячеславом Манягиным вне пределов своей работы. Но и полностью отвергать её, напрочь исключая наличие "славянского" и "русского" колорита в отечественном православии, не приходится; иначе становится непонятным и невозможным само существование на протяжении вот уже более чем тысячи лет русской цивилизации — действительно особой и отличающейся от иных человеческих "мегаобществ".

Из трёх проблем, выделенных автором для своего исследования: "какую азбуку на самом деле создали Кирилл и Мефодий — кириллицу или глаголицу?", "кем по своему этническому происхождению были Солунские братья?" и "существовала ли русская письменность до появления кириллицы и глаголицы?" — в общем-то, ни одна не связана с внутренней структурой и смыслом трёх главных русских кириллических азбук, успешно выдержавших испытание временем (церковнославянской, "петровской" и "советской", которой практически все мы пользуемся и понимаем). Но последняя из названных тем, очевидно, воспринимается Манягиным как ключевая.

Целая глава посвящена проведению параллелей между "вынчанской" ("непалгической"), дунайским протописмом), этрусской, сарматско-аланской и хазарской письменностями, откуда он выводит предполагаемый генезис таинственного докириллического "русского" (не славянского) письма, с написанным на котором книгами якобы познакомились Кирилл во время своего пребывания в Крыму.

"Что же невозможного в том, что народ, издревле обладавший письменностью и познаниями в христианстве ещё в III-IV вв., мог иметь переводы Евангелия и Псалтыри на свой язык — русский? Ничего невозможного в этом нет. Но вещь, вполне допустимая для других народов (например, для готов, у которых епископ Ульфилас создал письменность и перевёл Библию на родной язык), яростно отвергается, как только речь заходит о переводах библейских книг на русский. Почему?... Отрицание существования русской письменности до IX века есть одновременно и отрицание возможности существования русского государства, которое, как заявляли и заявляют нам германские "учители", создали для нас "норманские гости" только в 862 году".

Георгий СУДОВЦЕВ

24 мая	18.30
Дом кино Союза кинематографистов России (ул. Васильевская, д. 13, проезд: м. "Белорусская" или м. "Маяковская")	
ЛЮБОВЬ СВЯТАЯ	
Фильм и встреча с преосвященнейшим епископом Североморским и Умбским МИТРОФАН (БАДАНИНЫМ).	
Автор и ведущая — певица, лауреат Пушкинской премии Лина МКРТЧЯН	
Справки по телефону: 8 (495) 267-24-81 8 (495) 150-19-09, 8 (495) 953-01-68	

ФОНД ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ "ОСНОВАНИЕ"

ИНН 7838290893
ОГРН 783801001
ОГРН 113780008015
ОКПО 56273690
ОКВЭД 73.20 научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук
Рис 40703810090270000027
Дополнительный офис: "Приморский" ОАО "Банк "Санкт-Петербург"
Кор/с 30101810900000000790
БИК 044030790

Президент —
АНПИЛГОВ Алексей Евгеньевич.
Назначение платежа: "На уставную деятельность".
Благодарим всех за поддержку!